

Петр I

Алексей Николаевич Толстой. Петр Первый

Глава четвертая, п.16

Поправив очки, он продолжал читать слезный вопль на **кунгурского** воеводу... Торговлю-де разоряет поборами в свой карман и торговых и посадских людей держит у себя в чулане и бьет тростью, от чего один безвинно помер. С промысловых обозов берет пошлину в свой же карман, зимой по восьми с воза, летом – со струга по алтыну. Богатого промышленника Змиева томил в сундуке, провертев, чтобы он не задохся, в крышке дырья...И берет себе земские и целовальничьи деньги и грозитя весь **Кунгур** разорить, если будут на него жаловаться.

– Повесить, собаку, в **Кунгуре** на базаре! – крикнул Петр. – Пиши! Виниус строго – поверх очков, – взглянул на него.

– Повесить недолго, – мало их этим образумишь... Я давно говорю, Петр Алексеевич, воеводам более двух лет на месте сидеть нельзя. Привыкают, ходы узнают... А свежий-то воевода, конечно, разбойничает легче... Петр Алексеевич, торговых людей в первую голову береги. Шкуру и две тебе отдадут, – сними только с них непомерные тягости... Ведь иной две пары лаптей боится вынести на базар – хватают, бьют и деньги рвут с него... А с кого тебе и богатеть, как не с купечества... От дворян взять нечего, все сами проедают. А мужик давно гол. Вот послушай.

Прошел дождь, унесло тучи. Вечер был теплый, пахло травой, дымом. Издалека, в Немецкой слободе, бренькал колокол на кирке. Петр сидел у поднятого окошка, – свечей еще не зажигали, – дочитывал челобитные. В глубине спальни, у двери, не шевелясь, белел залысым черепом Никита Демидов – кузнец из Тулы. «...Истинно, государь, народы ослабевают в исполнении и чуть послабже, – думают, что все-де станет по-старому... (Писал изыскатель доходов, прибыльщик Алексей Курбатов.) Гостиной сотни купец Матвей Шустов подал сказку о торгах и пожитках

своих и в сказке писал, будто всех пожитков у него только тысячи на две рублей и разорен всеконечно. Мне известно, – у Матвея на дворе в Зарядье, под полом, в нужном чулане, куда и зайти срамно, зарыто дедовских еще пожитков тысяч сорок золотых червонных. И он, Матвей, человек непостоянный, – пьянством истощает богатство, а не умножает, и, если его не обуздать – истребит до конца. Великий государь, укажи послать к Матвею в Зарядье подьячего да человек двадцать солдат, и он те золотые деньги вынет...»

Петр тряхнул головой, положил челобитную на подоконник, налево, – к исполнению. Следующая была от судьи Мишки Беклемишева, написана дрожащей рукой, – разобрал только: «...служил отцу твоему и брату твоему и был на многих службах и сказано мне быть в московском Судном приказе судьей. Сижу и по сей день судьей бескорыстно... От такого бескорыстного сиденья одолжал и охудал вконец. Великий государь, смилуйся, – за бескорыстное сиденье отпусти меня воеводой хоть в Полтаву...»

Петр зевнул, бросил челобитную в кучу бумаг – направо. Бытовали еще донесения из Белгорода и Севска о том, что полковые, городовые и всяких чинов служилые люди и крепостные люди и крестьяне не хотят служить государевой службе, не хотят быть у строения морских судов и у лесной работы и бегут отовсюду в донецкие казачьи городки... На углу бумаги пометил: «Вызвать белгородского и севского воевод, допросить с пристрастием».

Была слезная челобитная государственных крестьян на кунгурского воеводу Сухотина, что он-де стал брать со всякого двора сверх всех даней по восьми алтын себе в корысть и велит избы и бани запечатывать, – делай, что хочешь, – пора студеная, многие роженицы рожают в хлеву, младенцы безвременно умирают, а иных женщин воевода в земской избе берет за грудь и цыцки им жмет до крови и по-иному озорничает и увечит...

Петр скребнул в затылке. Вопль стоял по всей земле, – уберут одного воеводу, другой хуже озорничает. Где взять людей?.. Вор

на воре. Начал писать, брызгая гусиным пером: «Послать в **Кунгур...**»

– Никита, – обернулся, – тебя поставить воеводой, воровать будешь?

Никита Демидов, не отходя от двери, осторожно вздохнул:

– Как обыкновенно, Петр Алексеевич, – должность такая.

– Людей нет. А?

Никита пожал плечом, – дескать, конечно, с одной стороны, людей нет...

– На дыбе его ломаешь... Жалованье большое кладешь... Крадут... (Обмакивал, писал, хотя было совсем темно.) Совесть нет. Чести нет... Шутов из них понаделал... Отчего? (Обернулся.)

– Сытый-то хуже ворует, Петр Алексеевич, – смелее...

– Но, но, ты – смелый...

– Плакать хочетцо, Петр Алексеевич... Горюешь – людей нет... А у меня с горячего дела взяли одиннадцать лучших кузнецов в солдаты...

– Кто взял?

– Твоей милости боярин Чемоданов, – прибыл в Тулу с дьяками для переписи... (Никита замялся, всматриваясь, – лица Петра не разобрать: он весь повернулся от окна.) От тебя чего скрывать, – такие дела были в Туле!

Кто мог заплатить – все откупились... Закатал он и ко мне на завод подъячего... Будь я в Туле тогда, – отступного пятьсот рублей не пожалел бы за таких мастеров... Сделай милость, – уж как-нибудь... Все ведь оружейники, мастера не хуже аглицких...

Петр – сквозь зубы:

– Подай челобитную...

– Слушаю... Нет, Петр Алексеевич, люди найдутся, конечно...

– Ладно... Говори дело...

Никита осторожно подошел. Дело было великое. Этой зимой он ездил на Урал, взяв с собой сына Акинфия и трех знающих мужиков-раскольников из Даниловой пустыни, промышлявших по рудному делу. Облазили уральские хребты от Невьянска до Чусовских городков. Нашли железные горы, нашли медь, серебряную руду, горный лен. Богатства лежали втуне. Кругом – пустыня.

Единый чугунолитейный завод на реке Нейве, построенный два года тому назад по указу Петра, выплавлял едва-едва полсотни пудов, и ту малость трудно было вывозить по бездорожью. Управитель, боярский сын Дашков, спился от скуки, невянский воевода Протасьев спился же. Трудовые – кто поздоровее – были в бегах, оставались маломощные. Рудники позавалились.

Толстой Алексей Николаевич (1882/ 1883 – 1945), граф, русский писатель. В 1918 – 23 г.г. в эмиграции. В трилогии «Хождение по мукам» стремился представить революцию как высшую правду, постигаемую русской интеллигенцией; в историческом романе «Петр I» – апология сильной реформаторской власти. Диалогия «Иван Грозный», научно-фантастические романы «Аэлита», «Гиперболоид Инженера Гарина», рассказы, пьесы.

